

Фронтовые заметки, воспоминания, письма

УДК 94(47)«1941/1945»

DOI 10.62139/2949-608X-2025-3-2-44-51

Как наш папа был на войне (рассказы Б.М. Кедрова своим дочкам)

Кедрова Наталия Бонифатиевна

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Через призму детских воспоминаний в статье рассказано несколько историй об участии известного философа и историка науки, академика АН СССР Бонифатия Михайловича Кедрова в Народном ополчении и боях под Москвой в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Б.М. Кедров, письма с фронта, Великая Отечественная война, воспоминания о войне, Битва под Москвой

Цитирование: Кедрова Н.Б. Как наш папа был на войне (рассказы Б.М. Кедрова своим дочкам) // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2025. Т. 3, вып. 2. С. 44-51

How our daddy was at the war (stories B.M. Kedrov told his daughters)

Natalia B. Kedrova

Moscow State Psychological and
Pedagogical University, Moscow, Russia

Through the prism of childhood memories, the article recounts several stories about the participation of Academician Bonifaty Mikhailovich Kedrov, a renowned philosopher and historian of science, Member of the USSR Academy of Sciences, in the People's Militia and in the battles near Moscow during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: B.M. Kedrov, letters from the front, the Great Patriotic War, memories of the war, The Battle of Moscow

Когда мы с сестрой Диной были маленькими девочками (что сегодня уже сложно себе представить), было так здорово заполучить вечером папу в свое распоряжение и уговорить рассказать что-нибудь из его

жизни. Обычно он очень занят своей работой, но когда мог отложить рукописи, с удовольствием рассказывал нам разные истории.

Пожалуй, больше всего мы любили слушать истории о том, как папа был маленьким, и истории о том, как папа был на войне. Истории про детство были смешными, трогательными, забавными и близкими. Легко можно было представить себе папу таким же, как мы, озорным ровесником, а вот истории про войну волновали и пугали. От ужаса и восхищения замирало сердце, мы очень переживали за него, а потом радовались, что все хорошо закончилось. Это были истории о том, как папа выступал по радио, как папа нашел дорогу из леса, как папа взял в плен немца, как папу ранили, как папу приняли за шпиона, как папа узнал о Победе... Разумеется, эти рассказы были вечерними историями для двух маленьких девочек, которых нельзя было сильно пугать перед сном. Очень о многом папа нам не говорил, и какие-то подробности мы узнали сильно позже, когда стали взрослыми и увы, уже не от папы.

Бонифатий Михайлович Кедров (1903–1985) – химик, философ, историк науки, автор многих фундаментальных работ, академик АН СССР. К началу Великой Отечественной войны он уже давно занимался историей химии, преподавал историю химии и готовил докторскую диссертацию «Атомистика Дальтона и ее философское значение». Он очень любил химию, но из-за туберкулеза ему пришлось оставить работу в лаборатории. В 1941 г ему было 37 лет и он был знаком с фронтовой жизнью: в свои 13–14 лет вместе с отцом он принимал участие в революционных событиях, в Гражданской войне и в войне с Антантой. Потом женился, выучился на химика, в голодные времена заболел туберкулезом и вместо экспериментальной химии занялся историей химии и философией. Он защитил кандидатскую диссертацию и преподавал на химфаке МГУ историю химии. К началу войны папа потерял двух младших братьев, отец (Михаил Сергеевич Кедров) был арестован, и папа остался основным кормильцем для матери с сестрой и племянников. Когда 22 июня 1941 г. объявили о начале войны и всеобщей мобилизации, то для папы вопрос о брони или эвакуации даже не возникал. Он сразу решил пойти добровольцем.

Конечно, мы спрашивали в этом месте: «А как же, тебе не было страшно, что тебя могут убить? Ты мог не идти на фронт?» (Он, кстати, мог не идти после перенесенного туберкулеза). Но папа говорил: «Нет, я не мог не пойти, я должен был защитить тех, кто не мог защищаться сам». А на второй вопрос, о том, что его тоже могли убить, он отвечал: «Убить могли,

Рис. 1. Кедров Бонифатий Михайлович

Приблизительно 1942 г.
Источник: Из семейного
архива Кедровых

конечно, но на фронте это было бы хотя бы со смыслом, пользой, ради защиты страны и людей». В детстве этот ответ звучал тревожно и непонятно, но расспрашивать мы не рисковали и смысл стал понятен уже потом. Когда мы повзрослели, то узнали, что папины братья (родной и двоюродный), а также отец – Михаил Сергеевич Кедров (1878–1941) были расстреляны. Папина мама и он сам были готовы к аресту в любой момент.

22 июня 1941 г началась война, а 4 июля Бонифатия Михайловичу дали партийное поручение выступить по радио с призывом к московской интеллигенции вступать в народное ополчение. Это было важное дело и папа подготовил очень убедительную и эмоциональную речь, даже включил туда цитату из «Скифов» Блока: «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами!». Правда, половину цитаты цензор отрезал: «Мильоны – вас» говорить не разрешил, а «нас – тьмы и тьмы» – согласился, чтобы «не преувеличивать силу врага». Папа написал свою речь заранее на бумаге, но выучил наизусть и говорил не глядя в свои записи, и его выступление передавали прямо в эфир. Папа гордился тем, что ему удалось произнести свой призыв мужественно и воодушевляюще. Он гордился тем, что «философы могут не только опровергать лживые идеи, но и крепко держать в руках оружие против врагов»

И вот уже через несколько дней после начала войны он ушел в ополчение на подготовку: тренироваться копать, заряжать, стрелять! Его первая жена Татьяна Николаевна Ченцова тоже добилась разрешения пойти вместе с ним. Оказывается, чтобы женщину могли зачислить в ополчение, нужно было получить разрешения не только всех командиров, но и райкома партии. Так Бонифатий Михайлович стал командиром артиллерийского расчета в звании старшего лейтенанта в 127 дивизии Народного Ополчения, а Татьяна Николаевна – подносицей снарядов в том же расчете. И когда надо было стрелять из орудия, папа давал команду: «Поднести снаряд!», а она отвечала: «Есть поднести снаряд, товарищ старший лейтенант!»

Папа много раз говорил, что ему часто везло на войне. Больше всего нас волновало то, что папу ведь могли убить, а это совершенно невозможно себе представить, как невозможно представить свое собственное несуществование. Особенно мы переживали, когда он рассказывал, что в их отряде оружия на всех не хватало, они шли сражаться практически голыми руками, чтобы остановить продвижение неприятеля. Мы представляли себе картину, как на трех бойцов была одна винтовка, и остальным надо было добывать оружие в бою или быть готовым подхватить винтовку, если товарищ был убит или ранен и не мог больше стрелять. Был в этом такой важный героический момент, что если один не мог победить в бою, рядом были товарищи, которые подхватят оружие и доведут дело до конца. Но, с другой стороны, мы очень волновались за папу, и сейчас мне кажется, что ему это было приятно слышать, что мы, маленькие девочки, так переживали за него и очень жалели, потому что сам он себя, конечно, совершенно не жалел. Он говорил, что да, война – это то место, где

убивают и часто совершенно случайно, что и бомбежка и обстрел, конечно страшно и опасно, но он знал, что если ты слышишь, как летит пуля или мина значит, она пролетела мимо, а ту пулю которая в тебя попадает, ты не слышишь и испугаться не успеешь, поэтому бояться не имело смысла, надо было просто быть внимательным. И успокаивал нас, что у него был пистолет, правда, пистолет был без кобуры и поэтому все время проваливался глубоко в карман, пока папа не подобрал в одной деревне в брошенном детском саду детский башмачок и не приспособил его под кобуру. Кажется, этот пример нас успокаивал, что папа так просто не пропадет, сможет найти выход из сложного положения. Он говорил нам тогда непонятную в детстве мысль, что он не хотел, разумеется, погибать, но был готов умереть, потому что знал, кого и что он защищал. И еще он говорил, что просто остаться в живых – это большая радость.

Везением на фронте для Бонифатия Михайловича было, например, такое событие. На их подразделение выделили три орудия, которые не успели проверить заранее, и он как раз стал командиром артиллерийского расчета при одном из них. Первое орудие оказалось неисправным и разорвалось при первом же выстреле, убив расчет и командира. Из второго орудия расчет стрелять не решился, но и бросить его было категорически нельзя, поэтому возили эту пушку с собой по лесам и болотам, надеясь разобраться. А третье орудие папа рискнул испытать сам, он велел всему своему расчету залечь в канавку и сам сделал залп. К счастью, орудие оказалось в полном порядке, так что они и сами уцелели и могли вести артиллерийский огонь по врагу. Такое вот было везение.

Другим случаем везения было, когда их часть во время боев под Москвой оказалась отрезана от своих и им пришлось уйти в леса (если не ошибаюсь, это было где-то в районе Калуги). Немцы были довольно близко и они могли попасть в окружение, а сдаваться совершенно не собирались. Был ноябрь и все время было темно, холодно и нельзя было подавать никаких сигналов, чтобы не привлечь на себя огонь. Папа говорил, что им опять здорово повезло, что он очень хорошо мог ориентироваться в любом месте и в голове у него всегда была «карта местности», поэтому ему удалось в темноте вывести всех людей к дороге и они смогли избежать окружения. Он вспоминал, что было совсем непросто убедить уставших людей и командиров, что без карты и специальных подсказок Бонифатий Михайлович знает, куда надо идти, чтобы попасть на дорогу и на станцию, к своим, но все же ему удалось доказать, что лучше попробовать, чем нет.

Очень мы любили слушать историю, как папа взял в плен немца. Эта история казалась нам совершенно замечательной, потому что в ней никто никого не убил, не ранил, все прошло «по правилам», как и должно быть между людьми на войне, как мы были готовы эту войну себе представить. История была такая: папино отделение рано утром вошло в деревню, которую накануне ночью оставили немецкие войска, все люди должны были разместиться по домам. Одна женщина из местных жителей подошла и осторожно сказала Бонифатию Михайловичу как командиру расчета: в

доме на краю деревни остался немец. Папа сразу пошел в этот дом проверить, что там такое. Он осторожно открыл дверь и увидел немца, который спал на лавке, должно быть он сильно устал и проспал свое отступление из этой деревни. Немец спал на лавке, а рядом с лавкой стояла его винтовка. И папа сразу строго и громко сказал: «Хенде хох!», что означало «руки вверх», и немец проснулся и от неожиданности сразу поднял руки вверх и сдался в плен, а папа успел взять его оружие и вывести его из дома и отправил в штаб, как было положено. Эта история нас радовала тем, что никто никого не убивал. И папу это тоже радовало, он показывал, как немец удивился и растерялся, и как он строго ему говорил: «Хенде хох!».

Осень 1941 была очень холодная, условия, в которых находились ополченцы под Москвой, были чрезвычайно жесткие: дома были разрушены, земля промерзлая, иногда оставались печи, у которых можно было греться, а иногда ополченцы выкапывали ямы в земле и там и прятались от обстрелов, сидели в засадах и спали. Конечно, мы снова переживали, как же папа все это выдерживал, ведь нам строго-настрого запрещалось лежать на снегу и замерзшей земле, чтобы не простудиться. Но папа говорил, что его выручало то, что он не думал о неудобствах, потому что ему всегда было о чем интересном подумать. Когда все вокруг ворчали и возмущались, что условия становились все хуже, уже не избы, а только развалины, потом уже не развалины, а голые печи, а еще через несколько дней уже даже не печи, а только снег и ямки, он думал о теории относительности Эйнштейна, что нельзя оценить насколько что-то хорошо или плохо, какие абсолютные значения и смыслы, если не знать всех обстоятельств и других движений. Поэтому, говорил папа, думать было важнее, чем удобно спать или есть, а думать всегда было о чем.

Потом уже мы узнали историю, как уезжая на фронт, Бонифатий Михайлович собрал все материалы по своей докторской диссертации и другие важные записи в портфель и попросил своих родных сохранить его во чтобы то ни стало. Но в суматохе эвакуации его родные потеряли куда-то этот портфель. То ли они все понадеялись друг на друга, мама на невестку, сестра на маму, племянники и сын на взрослых, но так или иначе, портфель пропал. Никто не мог определенно сказать, остался ли он в Москве в комнате, забыли ли его в суматохе на вокзале или потеряли в уже Ташкенте. Во всех письмах родным папа писал: «У нас все хорошо. Как вы? Как устроились, как учеба? Нашли мой портфель с рукописями?» И по воспоминаниям и письмам других было ясно, как ему был важен этот портфель с его работой, с его мыслями, и как он переживал и сердился на такую невнимательность к этому портфельчику. Все было понятно: война, смерть, безопасность близких, их благополучие, он отдавал все, что мог, отправлял деньги, продукты, и готов был сделать еще больше, но ему самому был очень важен его портфель с рукописями. И уже московские друзья и родственники подключились к поиску, даже его дядя Коля (Николай Ильич Подвойский) ездил проверять разные возможные места, куда этот портфель мог завалиться. К счастью для всех, он отыскался в Москве, в их

квартире и после войны в 1946 г, Бонифатий Михайлович защитил докторскую про атомистику Дальтона и издал книжку.

Прошла осень 1941 года, сперва было отступление, потом наступление наших войск под Москвой. Бонифатий Михайлович и Татьяна Николаевна работали в отделе химзащиты, потому что была вероятность применения газов со стороны немцев, как это было во время Первой мировой войны. В письмах домой они просили присылать книги по химии и метеорологии, чтобы решать разные задачи для расчетов распространения ядовитых газов в случае газовой атаки со стороны неприятеля, беспокоились о своих близких, просили их всегда носить с собой противогазы. Папа вообще очень переживал, что люди так несерьезно относились к возможной химической атаке, забывали противогазы и странно их использовали, совсем не по назначению. Он писал про это статьи в военные газеты, чтобы убедить людей быть внимательнее к химической опасности и не превращать противогазы в сумки и кружки.

В начале 1942 г дивизия участвовала в ожесточенных боях за Варшавское шоссе. Силы были неравны и перевес был не в нашу пользу, но отступить было невозможно. Был создан специальный стрелковый батальон, который должен был овладеть деревней Вышнее под Юхновом, Бонифатий Михайлович был назначен политруком этого батальона, а командиром – молодой военный. Они подготовились к сражению и в ночь на 3 февраля артиллерийским огнем выбили немцев из деревни и смогли ее занять. Это позволило освободить проход для большой группы красноармейцев, которые были отрезаны от своих войск и могли попасть в окружение. Это было важным успехом, и командование приказало представить командира и комиссара к наградам. Но после этого большую часть артиллерии перебросили в другое место, и в деревне осталось совсем немного бойцов, в основном нестроевые, повар и разные люди сопровождающие обозы, а из боевых орудий оставался только пулемет. Когда на следующий день немецкие войска с большими силами вернулись, защищать деревню было уже почти некому. Командир удерживал один край деревни, а Бонифатий Михайлович защищал другой край. В этом бою папа был ранен в ногу осколком мины, но продолжал руководить частью бойцов. Им удалось отбить одну из атак и отступить из деревни вместе с ранеными бойцами до того, как немцы вошли в деревню. После того как бойцы оставили населенный пункт, командование прислало другой приказ: командира и комиссара расстрелять, так как приказа отступить из деревни не было. Папа говорил, что опять ему очень повезло в этом бою, потому что во-первых, ранили его только в ногу, кость была не задета, только осколок большой застрял, а во-вторых, из-за того, что его ранили в бою, его не расстреляли. Такое вот везение.

После ранения Бонифатий Михайлович был в полевом госпитале, а Татьяна Николаевна за ним ухаживала, сперва было сильное воспаление, даже начиналась гангрена и папа очень боялся, что врачи решат раненную ногу ампутировать, но Татьяна Николаевна с помощью дяди Коли

Рис. 2. В военном училище. Кедров Б.М. сидит 5-й справа. 1943 г.
 Источник: Из семейного архива Кедровых

(Н.И. Подвойского) смогла перевезти его в московскую больницу, где рану вылечили. Некоторое время после больницы папа ходил с палочкой. Но гораздо сильнее, чем из-за ранения, он переживал из-за потерянного портфеля со своими статьями. Хорошо, что они все же нашлись.

После ранения папу не вернули обратно на фронт, хотя он регулярно писал командованию и просил направить его в действующую армию и использовать по специальности как химика. Он преподавал в военном училище, занимался подготовкой военных в области химии. И потом была с

Рис. 3. Кедров Б.М. 1978 г.
 Источник: Из семейного архива Кедровых

ним еще одна история про везение. Как-то раз он ехал в поезде, и там было тесно, душно и шумно, спать было невозможно, он достал свой блокнот и стал делать какие-то записи по химии, то ли в связи с Дальтоном, то ли с Менделеевым, которым он уже тогда начал заниматься. Соседи были бдительны и обратили внимание на молчаливого попутчика в шинели, который сидел в углу, ни с кем не разговаривал, не выпивал и записывал в блокнот странные иностранные буквы, смотрел в окно и снова что-то записывал. Конечно, это вражеский шпион и диверсант, решили соседи и вызвали патруль. Патруль проверил документы, а там нерусское имя, Бонифатий (хотя в святцах оно встречается), посмотрели записи, а там значки тоже нерусские, которые очень похожи на шифровки, а всякие объяснения про химию были непонятны

и неубедительны. Поэтому они задержали папу, высадили на станции и тоже чуть не расстреляли на месте как шпиона и диверсанта, но снова ему повезло: командир на станции знал химию и понимал смысл этих значков и отменил расстрел, посоветовав папе в дороге ничего не писать на всякий случай. Папа говорил об этой истории, что хорошо, что у него всегда память была хорошая и он мог все не записывать, а запоминать, и так тоже продумывать свои статьи.

Так он и был на военной службе до 1945 г, пока не пришла победа. Мы спрашивали, конечно, как это было? Он рассказывал, что Левитан прочитал по радио, объявил о капитуляции Германии и все стали обниматься, потому что кончилась война, что самое важное в этот момент была победа над войной, он говорил: «Мы прогнали врага». А нам, маленьким девочкам, было очень важно, что папа хоть и стрелял из орудия, но сам никого не убил. И ему это было важно, что он никого не убил, но прогнал врага из своей страны и защитил своих близких. Такое вот везение. Но своими боевыми наградами папа очень гордился.

Сведения об авторе:

Кедрова Наталия Бонифатьевна, психолог, доцент кафедры Детской и семейной психотерапии Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: kedrova@mail.ru.

Дата поступления статьи: 03.04.2025

Одобрено: 05.05.2025

Дата публикации: 28.07.2025